Вернер ЗОМБАРТ[1]

БУРЖУА[2]: этюды по истории духовного развития современного экономического человека

Капитализм сам по себе

Когда я несколько лет назад впервые сделал попытку разобрать проблему капиталистического хозяйства, исходя из центра его, т. е. когда я взял капиталистический дух за исходную точку моего исследования капиталистического развития, ничто у меня не было в такой мере заподозрено критикой, как именно это. Мне ставили в упрек возврат к «дуалистической» точке зрения или утверждали, что я поставил вещи на голову, спутал причину со следствием. Не капиталистический дух есть источник капитализма, а этот последний есть источник капиталистического духа<…>

Поставленная этим вопросом проблема сложна и будет во всей своей полноте разобрана во вновь переработанном моем «Совре-

---

[1] Вернер Зомбарт (1863–1941) – видный немецкий экономист и социолог. Наиболее известные работы – «Современный капитализм» (1902), «Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека» (1913), «Торговцы и герои» (1915), «Будущее капитализма» (1932). Как и Макс Вебер, с которым его связывали дружеские отношения и научная активность, Зомбарт стремился показать предпосылки возникновения капитализма как уникальный тип хозяйственной деятельности и определить его исторические перспективы.

Основная методологическая проблема научного творчества Зомбарта была обусловлена его попытками поставить философию и психологию «духа капитализма» на эмпирический уровень социологии, преодолев при этом крайности абстрактного теоретизирования и примитивного эмпиризма.

Зомбарт выделял два противоположных типа субъектов хозяйственной деятельности, что в известной мере совпадает с веберовской классификацией рационального и иррационального типов экономического поведения. На уровне индивидуальной и групповой психологии это противопоставление послужило основанием для выделения творческого и потребительского (паразитического) типов личности и социальных групп, исход борьбы между которыми, согласно Зомбарту, определяет исторические судьбы не только хозяйственных систем, но и конкретных обществ и наций.

[2] Публикуется с незначительными сокращениями по: Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека / Пер с нем. М., 1986.

менном капитализме». Здесь нас интересует только одна часть проблемы, заключенная в первой половине вопроса: не рождается ли капиталистический дух из капитализма?

Этот вопрос, несомненно, интересует нас в весьма высокой степени. Ибо если бы на него пришлось дать утвердительный ответ, то все содержание этой книги – с начала до 27-й главы – было бы ненужным и от нее не осталось бы ничего, кроме одной этой 28-й главы. Нам придется, следовательно, несколько поглубже разобраться в этой проблеме.

Прежде всего, постановка вопроса: возникает ли капиталистический дух из капитализма или наоборот? – является неясной.

Капитализм и капиталистический дух вообще не находятся друг к другу в отношении исключающих друг друга противоположностей, а капиталистический дух составляет часть капитализма, если под последним мы разумеем (что одно только дает ему смысл) капиталистическую систему хозяйства. А следовательно, так же мало оснований ставить этот вопрос, как, например, такой: возникает ли душа человеческая из человека, или он из нее? Капитализма нет, если нет капиталистического духа. Значит, для того чтобы вообще дать вопросу смысл, надо его иначе формулировать. Нужно поставить его в такой форме, в которой капиталистический «дух» является чем-то самостоятельным, которое только и может явиться причинно обусловливающим или обусловленным. Это имеет место, если противопоставить капиталистическому «духу» не капитализм (как целое), а капиталистическое «тело», как я уже выше обозначил (образно) все те элементы капиталистической системы хозяйства, которые несут «дух», т. е. являются чем-то находящимся вне души капиталистического предприятия: всю организаторскую часть, одним словом, все отношения между чужими людьми, всякий объективный порядок, все учреждения-институты, например: оборудование фабрик, система бухгалтерии, торговые отношения, биржевая организация, отношения заработной платы и т. д.

Но я могу также рассматривать самостоятельно капиталистический «дух», как он заключен или пускает корни в живой личности, и тут уже действительно противопоставить его «капитализму», если я имею в виду ограниченные во времени или в пространстве явления: капиталистический дух, пробужденный к жизни в прежние времена, противостоит капиталистической системе хозяйства сегодняшнего дня как нечто чуждое, равно как и капиталистический дух в известной личности является чем-то самостоятельным по отношению к «капитализму», существующему наряду с ней. И теперь постановка вопроса правильна: таким путем сделанный самостоятельным капиталистический дух может (теоретически) нахо-

диться в отношении причины или следствия к другому комплексу явлений. Как же мы теперь ответим на этот вопрос? Является ли капиталистический дух создателем капиталистической организации (понятно: не иной какой-нибудь, а той, в которой он будет обитать), или капиталистический дух вытекает из капиталистической организации? Поставить вопрос так точно – значит уже дать на него ответ: так как организации суть дело рук человеческих, то человек и «дух» его должны существовать заранее. Обусловленное не может предшествовать обусловливающему. Капиталистическая организация не может создать капиталистический дух, ибо, если принять это, тотчас же пришлось бы спросить: а что же вызвало к жизни капиталистическую организацию? Ответ: докапиталистический дух – нас бы не удовлетворил. Ибо если докапиталистический дух создает организацию, то она никоим образом не может быть капиталистической.

Иначе обстоит дело во втором случае. Капитализм, без сомнения, может создавать вне самого себя капиталистический дух. Нам даже нет надобности представлять себе расстояние, на котором он действует, слишком далеким; должна только быть налицо какая-нибудь отдаленность; значит, не только на ремесленника, имеющего свою мастерскую рядом с капиталистическим предприятием, может от этого соседства перескочить искра капиталистического духа и зажечь пожар в его душе; не только строение капитализма в одном поколении может оказать определяющее влияние на следующее поколение, но и внутри одного предприятия субъект хозяйства может испытать изменения в своей духовной структуре под давлением своей собственной деятельности благодаря воздействию хода своих собственных дел.

Как же теперь будет гласить наше суждение о действительном значении капитализма как создателя капиталистического духа, т. е. об исторически действительных влияниях, которые исходили от самого капитализма; в какой мере он, выражаясь иначе (в излюбленной здесь картинной форме), играет роль источника капиталистического духа.

В этом отношении следует со всею решительностью отвергнуть ту мысль, что капитализм сам есть единственный источник капиталистического духа. Об этом не может быть и речи. То, что сначала (в начальные периоды) должен был быть налицо капиталистический дух (хотя бы и в самой эмбриональной форме), чтобы вызвать к жизни первую капиталистическую организацию, вытекает из того логического соображения, которое мы только что высказали: творение не может предшествовать своему творцу. Следовательно, по крайней мере, первоначальный капиталистический дух пи-

тался из иных источников, чем сам капитализм. И более того, когда капитализм уже был налицо, то и тогда, совершенно очевидно, и другие силы участвовали в деле создания капиталистического духа и развития, уже имевшегося налицо. Доказательство правильности этого утверждения я, полагаю, дал всей этой книгой. Или желательно снова впасть в авантюристическое представление, которое рассматривает все те нравственные силы, все те социальные условия, участие которых в строительстве капиталистического духа мы определили как «порождения» или «отражения» хозяйственных (капиталистических) отношений? Я полагаю, что мы ныне дальше ушли по пути познания и объемом нашего знания, и глубиной нашего психологического анализа гарантированы от подобных гипотез, порожденных юношеской чрезмерностью (если не остолбенелым упрямством). После того как мы в течение десятилетий употребляли нашу силу и наш дух на то, чтобы развязать узел исторических связей, мы более не можем удовлетвориться тем, чтобы разрубить его.

Но это воззрение отнюдь не исключает убеждения в том, что капитализм также участвует в выработке современного хозяйственного образа мыслей. Несомненно, он является одним из его источников и, несомненно, не слабейшим. Чем далее идет капиталистическое развитие, тем большее значение оно приобретает для образования капиталистического духа, пока, быть может, в конце концов, не будет достигнута та точка, когда оно одно его будет образовывать и формировать.

Исследовать это (до сих пор, несмотря на все громкие слова, оно еще совершенно не исследовано) влияние, которое капитализм сам оказывал на развитие капиталистического духа во всех его особенностях, и составит еще задачу этой главы.

С ходом капиталистического развития создается нечто, выгодно отличающееся от иных производящихся товаров и услуг тем, что оно не уничтожается, но от поколения к поколению накопляется большими массами: это опыт. Благодаря ряду обстоятельств, из которых мы со многими познакомились, были найдены средства отвлечь этот опыт от отдельного предприятия, собрать его, хранить и передавать в качестве объективированного имущества. Этот огромный материал опыта, будучи использован, дает возможность довести экономический рационализм до высшего совершенства. А что он в действительности находит применение, что позднее родившийся предприниматель фактически обращает себе на пользу опыт прежних поколений, об этом заботится прежде всего необходимость, в которую капиталистический субъект хозяйства поставлен, с одной стороны, стремлением извлекать прибыль, с другой сторо-

ны, давлением конкуренции. Он должен организовать свое предприятие как можно более рационально.

Но, быть может, еще действительнее влияет в направлении высшего совершенствования ведения хозяйства присущая самому экономическому рационализму внутренняя энергия самоутверждения. Мы наблюдаем здесь один из странных (и в других областях культуры происходящих) процессов: созданная рукой человеческой система пробуждается к самостоятельной жизни и без участия сознательного действия отдельного человека, над таким действием и против него, собственным духом развивает свою деятельность.

Этот процесс оживления системы осуществляется приблизительно следующим путем.

В той мере, в какой требовался экономический рационализм, его создание сделалось самостоятельной деятельностью, осуществляемой в виде основной или добавочной профессии. Многие тысячи людей занимаются ныне не чем иным, как измышлением и проведением в жизнь наилучших методов ведения дел, начиная с профессоров, преподающих учение о частном хозяйстве в высших коммерческих учебных заведениях, и кончая полчищами бухгалтеров-ревизоров, калькуляторов, регистраторов и фабрикантов самых усовершенствованных счетных машин, машин для вычисления заработной платы, пишущих машинок и т. д. И даже служащие и рабочие больших предприятий побуждаются путем премии принимать участие в этом производстве экономического рационализма. Тем самым, естественно, порождается массовый интерес к усовершенствованию деловых методов, колоссальная энергия направляется по этому пути. Для всех людей, по профессии участвующих в производстве экономического рационализма, это производство становится задачей жизни, самоцелью. Подобно тому как мы это наблюдали на развитии техники, о цели более не спрашивают, но усовершенствуют ради усовершенствования. При этом получается, точно так же как и при развитии техники, что человека с его живыми интересами оставляют без внимания там, где дело идет о законченности рациональной системы. Так и растет в наши дни экономический рационализм изнутри и увеличивается с каждым днем собственной силой, даже без помощи самого хозяйствующего человека.

Это существо, живущее собственной жизнью, и берет себе на службу предприниматель, подобно тому как он назначает директора или рабочего – без особых размышлений, механически, еще точнее, подобно тому как он, понятно, приобретает себе самую усовершенствованную машину. Этот чисто механический акт применения в каждое данное время наивысшей развитой системы, наилучших

деловых методов должен быть только постоянно вновь производим по мере усовершенствования систем, чтобы во всякое время занимать высшую ступень экономической ratio. Система обитает в здании капиталистического предприятия как невидимый дух: «она» считает, «она» ведет книги, «она» калькулирует, «она» определяет размеры заработной платы, «она» делает сбережение, «она» регистрирует и т. д. Она противостоит субъекту хозяйства собственной силой; она требует от него; она принуждает его. И она не знает отдыха; она растет; она совершенствуется. Она живет своей собственной жизнью.

Это самостоятельное утверждение экономического рационализма: его суммирование, объективирование, механизирование и автоматизирование – влечет за собой, в свою очередь, далеко идущие последствия построения предпринимательской деятельности, а тем самым и развития самого капиталистического духа. И именно тем, что с предпринимателя снимается бремя. Это последствие имеет место совершенно явно, когда он покупает экономический рационализм в готовом виде и дает его вводить и проводить своим агентам, которых он за это вознаграждает. Но этот результат наступает и тогда, когда предприниматель сам заботится о введении и проведении в жизнь этого начала, потому что ему нет необходимости находить наивысшую целесообразность собственным умом, а она, напротив, как нам известно, вытекает из самостоятельных жизненных источников. Если раньше значительная доля духовной энергии экономического человека исчерпывалась в этой выработке высшей экономической целесообразности, то она ныне освобождается для других целей. Здесь происходит весьма странный оборот: на высшей ступени развития рационализм как бы из самого себя порождает вновь род традиционализма.

Если мозг и время современного экономического человека освобождаются, по крайней мере, до известной степени, от бремени заботы о рациональной организации производства, то освобождается энергия, которая может быть использована для остальной деятельности капиталистического предпринимателя, т. е. для его приобретательской деятельности в более тесном смысле этого слова. И теперь дело идет о том, чтобы констатировать, что эта, направленная на приобретение в узком смысле и на развитие к организации дела, энергия необычайно усиливается благодаря ряду обстоятельств, которые влечет за собой сам ход капиталистического развития. А тем самым и вызывается то огромное напряжение, которое мы наблюдали в качестве специального признака современной хозяйственной жизни, – души современного экономического человека (ибо в чем же ином проявляется «хозяйственная жизнь»?). Про-

цессы совершаются следующие. В душе современного экономического человека живет и действует стремление к бесконечно великому, побуждающее его ко все новым делам и ко всей большей деятельности. Если мы спросим, откуда идет это стремление, то мы, естественно, найдем в качестве первоначальной движущей силы стремление к наживе. Не потому, что оно с необходимостью является выделяющимся из ряда других мотивом в душе предпринимателя. Но вследствие того, что оно в силу капиталистических причиннозависимостей противостоит отдельному предпринимателю в качестве объективно принудительной силы. Я назвал возникновение этого отношения принуждения объективацией стремления к наживе и показал, как она с необходимостью наступает вследствие того, что всякое успешное капиталистическое хозяйствование есть хозяйствование с излишками. Какую бы цель лично ни ставил себе предприниматель, даже в первую голову денежную наживу или другое что-нибудь – расширение своего владычества, применение своих сил, общественную благотворительность, – всегда его предприятие должно быть организовано так, чтобы быть доходным, всегда, следовательно, он должен стремиться к прибыли.

В этом вынужденном направлении всей капиталистической деятельности заключена психологическая возможность стремления к безграничному, возможность осуществления которого основана, как мы выяснили, на особенностях современного технического развития. О том, чтобы эта возможность обратилась в действительность, позаботился целый ряд обстоятельств, из которых мы с одним уже знакомы: мы констатировали, что по известному психологическому закону увеличение богатства порождает из себя стремление ко все большему увеличению.

Другой психологический закон, действие которого мы, далее, наблюдаем, состоит в том, что с возрастанием круга задач (предполагая известное количество психической энергии данным) возрастают и способности, и воля в более сильном проявлении<…> Но решающий толчок дает все же еще нечто иное, что мы, пожалуй, опять можем обозначить как процесс объективации: стремление отдельного субъекта хозяйства к безграничности своей деятельности также навязывается ему силою вещей, точь-в-точь как только что рассмотренное стремление к наживе. Мы нашли при анализе психики современного экономического человека, что волевые акты у предпринимателя подчинены известного рода психическому принуждению. Теперь мы напали на след происхождения этого принудительного отношения. С двух сторон внутри капиталистического хозяйства оказывается принуждение: со стороны техники и со стороны самой хозяйственной организации.

Современная техника, как нам известно, характеризуется тем, что ломает все естественные рамки, а тем самым в своем применении опрокидывает и все естественные масштабы. Если предприниматель хочет идти в ногу с изобретениями техники (а что он должен этого хотеть, об этом, в свою очередь, заботится принудительный закон конкуренции и получения прибылей), то он должен иметь в виду беспрерывное расширение объема своего производства. Это «закон», основывающийся на современной технике: всякое новое достижение может быть использовано только тогда, когда совокупность собранных для преодоления известной задачи средств производства соответственно увеличивается, благодаря чему, естественно, расширяется и объем производства, а с ним и объем предприятия. Относительно самого крупного (по объему) из нам известных предприятия стальных заводов в Питсбурге сам его основатель указал нам в сухих словах на это вытекающее из прогресса техники состояние принуждения как на причину беспрерывного его увеличения<...> А ту долю свободы, которую еще составляет техническое принуждение, уже несомненно отнимает принуждение экономическое. И здесь действительно то же самое: предприниматель принуждается силою обстоятельств стремиться к безграничному. Бесполезно тратить еще больше слов об этой зависимости в эпоху, стоящую под знаком «тенденции к концентрации» во всех областях хозяйственной жизни (за исключением, конечно, сельского хозяйства). Что для меня здесь являлось важным – это выяснить психологические основы и этого известного явления. Как здесь развивается принужденность в поведении предпринимателя, нам показывает исповедь одного одушевленного редкой откровенностью и правдивостью крупного предпринимателя из начального периода высшего развития немецкого капитализма, чья автобиография по этим внутренним и внешним основаниям и в других отношениях дает богатый материал для познания формирующейся психики современного экономического человека<...>.

В современном экономическом человеке заложено стремление к бесконечно великому и наряду с этим – как это бесспорно можно назвать – стремление к бесконечно малому, выражающееся в том, что ему бы хотелось как можно больше интенсифицировать свою деятельность, использовать каждую мельчайшую долю времени, откуда и возникает тот бешеный «темп» хозяйственной жизни наших дней, с которым мы познакомились.

Мы видели, в какой мере мелочное использование времени стало возможным опять-таки благодаря технике и насколько также эта последняя своими произведениями поддерживает быстрый темп. Но современная техника не дает объяснения, почему этот быстрый

темп действительно имеет место. И в Ватикане сейчас действуют телефоны, и в Испании ездят по железным дорогам, и в Турции работает телеграф, но быстрого темпа эти места и страны не знают. Он должен был быть сперва создан в душе современного экономического человека, а о создании его позаботился сам капитализм. Это он опять навязал этот темп хозяйствующим субъектам, так что они снова должны его желать. А то, посредством чего капитализм оказывает это принуждение, известно всякому ребенку: стремление к ускорению оборота капитала есть та таинственная сила, которая создает здесь столь чудесное. Частота оборота капитала имеет решающее значение – при прочих равных условиях – в определении высоты цен и высоты прибыли. Чем чаще капитал известной величины оборачивается, тем дешевле становится продукт, тем больше общая прибыль.

В пользу же ускорения оборота капитала идет всякое ускорение в машинах, равно как и ускорение транспорта, и ускорение в совершении сделок покупки и продажи. И на службу этому стремлению к ускорению поступает современная техника, ежедневно открывающая новые способы, чтобы сократить хозяйственный процесс еще на секунды. Следовательно, и «темп» в духовной жизни современного экономического человека вынуждается у него капитализмом (с помощью техники). Он должен хотеть спешить, даже когда он не хочет спешить.

Но он хочет. Совершенно так же, как он хочет стремиться к безграничности в расширении своего дела. Он хочет все большей хозяйственной деятельности, и он хочет хозяйственной деятельности в каждую минуту своей жизни. Констатируя это, мы достигли в объяснении процессов, происходящих в современной хозяйственной психике, последнего пункта, который мы еще должны осветить.

Как это возможно, что здоровые и большей частью превосходные, выше среднего одаренные люди могут хотеть такой вещи, как хозяйственная деятельность, не только в качестве обязанности, необходимого зла, но потому что они ее любят, потому что они отдались ей сердцем и умом, телом и душой?

Чтобы разъяснить это загадочное явление, мы должны вспомнить те состояния, которые мы нашли в душе колониста. Мы нашли там как основную черту состояние глубокого одиночества, и мы видели, как из этой пустыни с психологической необходимостью развились предприимчивость и деловое безумие. Но капиталистический предприниматель должен со временем дойти до такого состояния духа, в которое колониста повергают внешние обстоятельства вследствие постоянного действия на него тех принуждений, с которыми мы только что познакомились. Если он все время

ничего другого не делает, как только занимается делами, то душа его должна в конце концов засохнуть. Вокруг него все пустеет, отмирает всякая жизнь, погибают всякие ценности, наконец возникает такая обстановка, которая была изначально характерна для колониальных стран. Родина становится для предпринимателя чужбиной. Природа, искусство, литература, государство, друзья – все исчезает для него в загадочное ничто, у него нет больше «времени» отдаваться всему этому. И в то время как колонист, быть может, именно в семейной жизни освежал свою душу, пламя предпринимательского стремления в нашем предпринимателе пожирает в конце концов и это единственное зеленое место в окружающем его.

Теперь он стоит в пустыне и должен бы был погибнуть после того, как все ценности для него уничтожены. Но он хочет жить, ибо создан с мощной жизненной силой. Таким образом, он должен создавать себе новые ценности, и эти ценности он находит в своем деле. Он не может рассматривать эту деятельность как бессмысленную и лишенную ценности, если не хочет потерять почву под ногами, если не хочет сам разрушить свою последнюю возможность существования. Но вот что странно: в сухом пайке повседневных дел для умирающего от жажды пробиваются новые рудники – своеобразное очарование рождается для него, ставшего невзыскательным, в накоплении прибыли самой по себе, в постоянном расширении и усовершенствовании дела самого по себе. И если еще не хватает удовлетворения, то на помощь приходит то сильное общее переживание восхищения завоеваниями техники и гордость мощными успехами нашего времени, которые органически выросли, как мы видели, из развития современной техники; они придают ему уверенное и возвышенное сознание, что и он в своей доле участвует в работе несущегося ткацкого станка времени. Правда, хозяйственная деятельность опять является только средством осуществления технических идей. Но, следуя великому закону эпохи, преодолевается и это противоречие: средство к средству наделяется ценностью, а конечная цель – живое человечество – за ним совершенно забывается. Путем удивительно запутанного психического процесса дело дошло до того, что в наши дни безропотно восхваляется хозяйствование ради хозяйствования; и для современного экономического человека рождаются из этого переворачивания всех оценок новые могучие побуждения к бодрому применению своих сил.

Никакой пуританизм не втянул предпринимателя в водоворот бессознательной деятельности – сделал это капитализм. И он смог это сделать только после того, как был сломан последний барьер,

защищавший предпринимателя от засасывания его бездной, – религиозное чувство. Он не нуждается ни в каком чувстве долга, чтобы сделать эту бессознательную деятельность содержанием своей жизни: время научило его создавать себе жизненные ценности и в пустыне, окружив своеобразным очарованием саму эту его деятельность.

Этой последней метаморфозой вносится величайшее напряжение в хозяйственную жизнь; теперь уже не только вынужденная воля живет как движущая сила в мире хозяйства – сама любовь предпринимателя живет в нем. Предприятие стало его возлюбленной, которую он теперь со всею страстью лелеет. Понятно, что теперь процесс вновь увеличивает свою мощь и благодаря его усилению и ускорению душа экономического человека вновь побуждается к последнему напряжению своих сил.

Теперь, полагаю я, ясны зависимости, осветить которые было нашей задачей: душа современного экономического человека больше не тайна для нас.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взгляд назад и взгляд в будущее

Я могу себе представить, что впечатление, которое эта книга оказывает на многих читателей, если они проштудировали ее до сих пор, является мучительным. Множество нового материала, множество новых точек зрения и постановок вопросов, согласно которым этот материал был обработан, должно вначале создавать чувство беспокойства и необычности, всегда мучительное. Мы всегда становимся непонятливыми при разборе научных проблем, когда нам кажется, что мы как бы теряем почву под ногами, а это бывает с нами всегда, когда у нас отнимают, лишают ценности удобную формулу, в которую мы вложили многообразие явлений. Тогда нам сначала кажется, что мы потонем в материале – пока мы опять не почувствуем где-нибудь почву под ногами или не научимся плавать.

С формулами, объясняющими чувство и генезис капиталистического духа, эта книга, правда, основательно расправилась. Не говоря уже о тех упрощающих ходячих словах, которые в социалистической литературе заполняют главу о «буржуа», – и такие остроумные гипотезы, как например, Макса Вебера, не могут быть оставлены в силе. И так как я сам не могу поставить никаких формул

на место прежних, то многие с чувством неудовлетворенности отложат в сторону эту книгу.

Что же, разве книга лишается вследствие этого ценности? Один остроумный человек сказал: только такая книга хороша, содержание которой можно выразить в одном предложении. Этого я, правда, не могу. И разве только предложение будет гласить: проблема капиталистического духа, его природы, его возникновения необыкновенно сложна, бесконечно сложнее, чем считали до сих пор, чем думал я сам.

Но несмотря на то что результат этих исследований может состоять только в углублении понимания проблематического характера нашей темы, я все же хотел бы в этих последних строках сам еще чем-нибудь способствовать уничтожению или, по крайней мере, ослаблению того состояния беспокойства и неудовлетворенности, в которое я, быть может, поверг читателя. Не тем, правда, что дам ему простую формулу, которая освободит его от дальнейшего изучения, но тем все же, что набросаю род схематической картины, с помощью которой он, быть может, легче разберется в массе материала.

Что в особенности способно вызывать чувство неудовлетворенности – это множественность причин, которые я сделал ответственными за возникновение капиталистического духа. На это мне указывалось глубоко понимающими критиками уже в отношении моих прежних исследований. Но я хочу попытаться установить как бы иерархию причин, т. е. не ограничиваться простым перечислением многочисленных причин, которые все участвовали в образовании известного исторического явления, но указать, в каком отношении главенства и подчиненности причины взаимно находятся.

Мне представляется, однако, совершенно безнадежным начинанием предпринимать это упорядочение путем сведения всех действующих причин к одной основной причине, causa causans. Что подобное начинание, например, в духе материалистического понимания истории (в его закоснелом применении) при современном состоянии нашего знания является невозможным, это я пытался показать в ходе настоящего изложения по разным случаям, опираясь на факты. Противопоставить строго экономическому каузальному объяснению какое-нибудь иное единое истолкование я чувствую себя не в состоянии, так что для удовлетворения своей потребности в иерархическом упорядочении многообразных отдельных причин я должен ограничиться сведением совокупности действующих условий в единое целое исторического процесса, в котором, правда, некоторые из приведенных причин являются в отношении главенства и подчиненности, другие, напротив, в отно-

шении сочиненности. Эти сочиненные причины составляют то, что можно также обозначить как «случайные» события, которые, однако, были не менее необходимы для наступления общего результата, чем необходимые, т. е. с необходимостью вытекающие из данных предпосылок.

Картина природы и происхождения буржуа получается тогда следующая.

Основу всего развития, которую мы должны рассматривать как раз и навсегда данную и в конечном счете определяющую все содержание процесса в его своеобразии, составляет единственная в своем роде по задаткам своих отдельных членов и по своему составу группа народов, которая создала европейскую культуру со времени падения Римской империи. В этих народах мы находим с самого их появления две мощные движущие силы: жажду золота и предпринимательский дух, которые быстро соединяются вместе. Из этого соединения на родине возникают могучие организации хозяйственной и иной природы, возникает прежде всего и современное государство и с ним важное средство поощрения капиталистического духа: «еретичество», предпосылкой которого, однако, является еще одна основная особенность европейской народной души – ее сильная религиозная потребность.

Те же движущие силы побуждают народы к завоеваниям и предприятиям и на чужбине: здесь им открываются неожиданные богатые залежи благородных металлов, вновь оживляющие их предпринимательский дух и их жажду золота; здесь возникают колонии, которые, в свою очередь, становятся рассадниками капиталистического духа.

Если предпринимательский дух проявлял вначале свое действие преимущественно в среде господ и принял благодаря этому насильственный оттенок, то со временем в более широких народных слоях распространяется стремление другим путем при помощи хозяйственных предприятий добывать деньги: без применения насилия, мирным путем договоров. И здесь возникает понимание того, что в этом начинании большую службу может сослужить проявление духа экономии, духа, сберегающего и ведущего счет.

Если это мещанское торгашество, пытавшееся пробиваться посредством охарактеризованного мирного способа, со временем постепенно получило значение у всех народов, то были некоторые племена, в которых общий дух с самого начала достиг быстрого и исключительного развития. Эти племена – этруски, фризы и евреи, влияние которых усиливается в своем значении тем более, чем более душевная структура капиталистического предпринимателя видоизменяется в направлении мещанского торговца.

Если в начальный период развития различные течения идут рядом, то в дальнейшем его ходе они соединяются: в капиталистическом предпринимателе сливаются герой, торговец и мещанин. Поток, однако, чем более стекает в долину, тем более принимает окраску мещанского торговца, героическое исчезает все более. Этому способствовал ряд причин: развитие профессионального войска; авторитет нравственных сил, в особенности религии, которые культивируют как раз мирного мещанина, и – не в последнем счете – скрещение крови, давшее преобладание торгашеской крови. В общем, тот простой факт, что героизм присущ лишь немногим и что установление, развивающееся до всеобщности, с необходимостью должно строиться на присущих массе инстинктах и способностях.

Развитие капиталистического духа идет теперь далее своим путем, в котором мы ясно можем различить два этапа: до конца приблизительно XVIII столетия и с тех пор до настоящего времени. В первую эпоху, охватывающую период раннего капитализма, капиталистический дух носит существенно связанный характер, во вторую – существенно свободный. Связан он был нравами и нравственностью, которой учили главным образом христианские исповедания.

В направленном на получение прибыли капиталистическом предприятии заключены имманентные его природе тенденции развития безграничной и беспощадной наживы. Поводом к развитию этих тенденций послужили главным образом следующие обстоятельства.

1. Рожденная из глубины германо-романского духа наука о природе, сделавшая возможной современную технику.

2. Созданная еврейским духом биржа. Только соединения современной техники с современной биржей дало внешние формы, в которых могло осуществиться стремление к безграничности капиталистической наживы<…>

3. В том влиянии, которое с XVII столетия еврейство начинает оказывать на европейскую хозяйственную жизнь. Оно влекло благодаря своим задаткам к безграничному и беспредельному проявлению стремления к наживе и в этом стремлении находило не препятствие, но поддержку со стороны своей религии. Евреи при возникновении современного капитализма действовали в качестве каталитического элемента.

4. Путы, наложенные на капиталистический дух в раннюю эпоху его развития нравами и нравственностью, были ослаблены благодаря ослаблению религиозного чувства у христианских народов и

5. были окончательно сорваны разрывом всех связей на чужбине, куда эмиграция и переселения привели как раз наиболее способных хозяйствующих субъектов. Итак, капитализм рос и рос<…>

Теперь великан, свободный от оков, в безумии несется по всем странам, низвергая все становящееся на его пути. Что принесет будущее?

Кто держится того мнения, что великан-капитализм разрушает природу и людей, будет надеяться, что его скуют и вновь вернут в те рамки, из которых он вырвался. И тут думали вернуть его к разуму этическими убеждениями. Мне кажется, что подобные попытки потерпят жалкий крах. Он, разорвавший железные цепи древнейших религий, без сомнения, не даст себя связать шелковыми нитями веймарско-кенигсбергского учения о мудрости. Единственное, что можно сделать, пока сила великана не сломлена, – это принимать меры предосторожности для обеспечения жизни и имущества. Ставить пожарные ведра в форме рабочего законодательства, законов о защите родины и т. п. и поручить обслуживание их хорошо организованной команде, чтобы она тушила пожар, который бросают в огражденные хижины нашей культуры.

Но будет ли его безумство продолжаться вечно? Не устанет ли он в беге? Я думаю, что так будет. Я думаю, что в природе самого капиталистического духа заложена тенденция, стремящаяся разлагать и убивать его изнутри. Мы сами в различных местах нашего пути уже встречались с такими крушениями капиталистического духа: в XVI в. – в Германии и Италии, в XVII в. – в Голландии и Франции, в XIX столетии (в наше время) – в Англии. Если даже этим коллапсам и содействовали отчасти особые условия – на добрую долю эти перемены причинила имманентная всякому капиталистическому духу тенденция, которую мы должны представлять себе действующей дальше и в будущем. Что всегда сокрушало предпринимательский дух, без которого не может существовать дух капиталистический, – это измельчение в сытое рантьерство или усвоение сеньориальных замашек. Буржуа испытывает ожирение по мере того, как богатеет и привыкает к использованию своего богатства в форме ренты, а в то же время привыкает предаваться роскоши и вести жизнь сельского джентльмена. Неужели эти силы, которые мы так часто видели за работой, будут бездействовать в будущем? Это было бы странным.

Но в наше время еще и с другой стороны отрезывается нить жизни капиталистическому духу благодаря усиливающейся бюрократизации наших предприятий. То, что еще оставляет рантье, отнимает бюрократ. Ибо в правильном бюрократическом гигантском производстве, в котором механизирован не только экономический рационализм, но и предпринимательский дух, для капиталистического духа не остается более места.

Но вероятно, он подвергнется нападению и с третьей стороны: с прогрессом «культуры» цифра рождения и, в конце концов, также и избыток рождений убывают с роковой необходимостью. Против этого не существует зелья<…> Никакой национальный или религиозный энтузиазм, никакие драмы с тенденцией не могут удержать этого процесса. А с уменьшением избытка рождений капитализму не хватит дыхания, ибо только бешеный рост населения в последние сто лет дал ему возможность вырасти до такого величия и могущества.

Что будет тогда, когда капиталистический дух, в конце концов, лишится своей теперешней энергии, нас здесь совершенно не касается. Быть может, великана тогда, когда он ослепнет, выдрессируют, чтобы тащить демократическую культурную тачку. А может быть, это и будут сумерки богов. Золото будет возвращено Рейну. Кто знает?